

Н.М. Менькова

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАКАТЕ

«Ну вот я и состарился – прекрасная пора...» – с этим высказыванием поэта Александра Твардовского можно соглашаться или не соглашаться, но вот факт: старость приходит в свой черед, подобно тому, как ясное утро сменяется сияющим полднем, затем постепенно вечерет и мы наблюдаем закат светила... А потом ночь...

На закате жизни, как бы мы этому внутренне не противились, невольно ощущаешь неотвратимость естественного хода времени, и когда в автобусе тебе поспешно уступают место со словами: «Садитесь, бабушка!» – в глубине души соглашаешься и принимаешь это новое для тебя прозвание... И дело не только во внешних, заметных окружающим изменениях. В старости, «когда дряхлеющие силы нам начинают изменять», жизнь осложняется неизбежным ухудшением самочувствия, понижением социального статуса, неумением, а порой и нежеланием понять изменения, происходящие в политике и экономике. В этих новых условиях нужно найти в себе силы достойно прожить последние отведенные тебе судьбой годы, чтобы не стать обузой своим близким, а скрасить по возможности существование тем, кто идет рядом с тобой...

1. Что взять с собой, что бросить по дороге

Так как же сохранить до старости интерес к жизни и оптимистичное мироощущение? Размышляя на эту тему, приходишь к мысли, что утешать тебя и согревать на финишном участке бытия станет все то, что сумел ты сохранить в себе с молодости, что не растратил, не растерял за долгое путешествие, имя которому – жизнь. Помните, у Гоголя: «Забирайте же с собой в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!»

Что же хотелось бы забрать и унести с собой с собой из молодости в старость? Хорошо бы взять побольше здоровья, да не всем это, к сожалению, удастся, и подходим мы к пенсионному возрасту, обремененные множеством недугов и хворей... Погрузившись в свои болезни человек становится эгоцентричным, теряет терпимость, снисходительность к окружающим. Нередко ухудшаются из-за этого отношения с близкими, с собственными детьми... А сколько вокруг нас людей, которые оказались в старости без семьи, без родных и близких... «О, одиночество, как твой характер крут...» Уходят супруги, друзья, ровесники, сменяются поколения, замыкается круг общения. Как разомкнуть его, как не утратить связи с окружающими, как стать объектом их внимания и заботы? Думается, смолоду нужно открыть свое сердце людям, стремиться понимать и любить их...

С нежностью вспоминаю я хорошую знакомую моей матери, её, как тогда говорили, сослуживицу, Нину Федоровну Сумарокову. Принадлежала она, между прочим, к потомкам известного русского писателя и драматурга XVIII в. А.П. Сумарокова. Не знаю, вследствие ли генетических склонностей или по какой-нибудь другой причине, но была Нина Федоровна завзятой театралкой и своей любовью к

театру увлекала всех окружающих. На все интересные и значительные спектакли – а таких шло немало в 50-60-х годах в различных театрах Москвы – она ходила во главе большой компании друзей, часто брала с собой и нас, детей. Ее уже давно нет в живых, а мы, ее бывшие подопечные, продолжаем общаться, верные ее светлой памяти.

Так уж сложилась судьба Нины Федоровны, что к концу жизни оказалась она без семьи, но одинокой назвать ее было нельзя: она всегда была окружена людьми, и со своей стороны стремилась, чем могла, помочь соседям, друзьям, коллегам по работе. Именины свои, бывало, она праздновала несколько дней подряд: в первый день принимала родственников, во второй – соседей по дому, потом – сослуживцев и так далее. Обязательно приходили и соученицы Нины Федоровны по Варшавскому институту благородных девиц, который она окончила в 1913 году первой в своем выпуске – с бриллиантовым шифром. Эта награда давала право ее обладательнице стать фрейлиной императрицы, но могла ли дочь многодетного армейского офицера, служившего в провинции и не имевшего состояния, вести жизнь придворной дамы в Петербурге?.. Нина Федоровна уехала после окончания института в родные места, под Курск, и много лет работала там сельской учительницей. Потом, уже после революции, она получила профессию стенографистки, была преподавателем и методистом, участвовала в разработке Единой государственной системы стенографии.

Помню Нину Федоровну в последние годы ее жизни, когда ей было уже за 90. Ежедневно кто-нибудь к ней приезжал, регулярно заходили соседи. А сама она сидела за столом с книгой и большой лупой в руках. Чтение – вот, что скрашивало ей жизнь, когда круг общения невольно сузился и бывшие увлечения ушли в прошлое... Уверена, если человек любит книги, то, пока видят глаза, он не будет скучать. А если уж и глаза совсем плохи, то, оказывается есть еще выход: имеются специальные библиотеки для слабовидящих, где можно брать любые литературные записи. Даже магнитофон там можно получить напрокат – и слушай себе на здоровье. Об этом мне сообщила одна интеллигентная пожилая женщина, архитектор по образованию, с которой мы с удовольствием обсуждали литературные новинки...

Ну а музыка? К ней, как и к чтению, нужно иметь привычку с детских лет. Когда-то классическую музыку пропагандировало всесоюзное радио, поэтому и сейчас в залах филармонии можно встретить пожилых людей, фанатично преданных этому святому искусству. Я в этом убедилась на прошедшем летом 2011 года очередном, XIV, Конкурсе им. Чайковского: в Большом зале консерватории я увидела много своих сверстников, заинтересованных и пристрастных меломанов... Вы скажете, билеты на концерты стоят недешево, на пенсию особо не разбежишься... Но могу заметить, что как в Московской консерватории, так и в Российской академии музыки (бывший институт им. Гнесиных) очень часто и притом в нескольких залах проходят студенческие концерты. И что это за прелесть! Там звучат редко исполняемые произведения, которые, пожалуй, нигде больше и не услышишь. А что касается исполнителей, то ведь это наши будущие лауреаты, никак не меньше! И посещают эти бесплатные концерты те, кто по настоящему любят музыку, и после выступлений они подходят к юным исполнителям, чтобы полу-

чить автограф на программке, отпечатанной кем-нибудь из родителей... Один мой знакомый скрипач-любитель, по профессии инженер, после выхода на пенсию буквально жил студенческими концертами. Почти каждый вечер у него был занят: сегодня отчет класса такого-то профессора, завтра – отбор на квартетный конкурс, а там вечер камерных ансамблей.

Но театр, литература, музыка, к сожалению, интересуют не всех. Да и выбираться куда-нибудь из дома становится с годами все труднее... Я тут намеренно не хочу говорить о телевизоре, давать оценки популярным передачам, но ведь и помимо этого дома можно найти интересные занятия. Если ты смолоду пристрастился к ручному труду, умеешь занять свои руки, то скука тебе неведома. Более того, любое рукоделие способствует возникновению радостного, лучезарного мироощущения, ибо процесс созидания чего-либо есть *творчество*, а именно сопричастность творческому процессу и делает человека счастливым. И совсем не обязательно при этом рисовать маслом картины или ткать гобелены: сшить, связать что-нибудь для себя или своих близких – это же очень здорово: и время заполнено, и обновка – вот она!

Среди моих сверстниц много рукодельниц: в детстве мы и наши мамы увлекались вышиванием. Помню, во время войны в далеком Самарканде, куда мы были эвакуированы, я побывала на выставке художественной вышивки, и до сих пор не могу забыть своих впечатлений: по стенам висели вышитые гладью копии картин русских художников в натуральную величину... Так состоялось мое первое знакомство с Третьяковкой. Боюсь искусствоведы не одобряют такого способа ознакомления с шедеврами отечественной живописи, но дело не в этом: как же высок был в то время уровень мастерства обычных женщин – выставка была организована при каком-то клубе... Позже, в послевоенные и «застойные» годы, в условиях хронического дефицита товаров широкого потребления, наши неунывающие женщины многое шили и вязали себе, своим мужьям и детям.

Сейчас такой острой необходимости не существует, и одна знакомая девушка популярно объяснила мне, что теперь «самошток» не в моде – принято носить фирменные вещи. Но, позвольте, все ли могут купить себе «фирму», особенно, если ваш основной доход – пенсия... А, кроме того, я тут ратую не за модную одежду, а за рукоделие, как таковое. И с большим удовлетворением могу отметить, что в последнее время среди женщин возрождается интерес к вышиванию, чему способствуют специализированные отделы в магазинах, где можно приобрести все необходимое для творчества. Там же продаются несложные рисунки и маленькие пальцы для девочек, которых, мне кажется, нужно приобщать к рукоделию как можно раньше. О мальчиках и говорить нечего: им с малолетства необходимо прививать навыки обращения с молотком, сверлом, электропаяльником...

Так что же это получается? Выходит, к старости надо готовиться с самого детства, и разумные родители должны с малых лет развивать у ребенка полезные склонности и навыки. Не усаживаться, например, с ним у телевизора смотреть очередной сериал, а вместо этого поставить на видеомagneфон, например, запись балета-спектакля «Лебединое озеро»: чудесная музыка Чайковского, сказка воплощенная в движения на экране вызывают у ребенка интерес и готовят его к восприятию серьезной музыки. Знаю родителей, которые на магнефон записали

вперемешку со сказками музыку Моцарта. Результаты превзошли все ожидания: малыш распевает не только песенки из мультфильмов, но и «Маленькую ночную серенаду», и родители всерьез подумывают о том, чтобы начать учить его музыке... Хорошо бы также почитать дитяти перед сном хорошую книжку, а по мере взросления приохотить его к самостоятельному чтению... Или дать в руки будущей пенсионерке иголку с ниткой и сшить вместе с ней платье для куклы...

Сложна и ухабиста дорога жизни, и с позиций прожитых лет мне кажется исполненным глубокого смысла совет популярной некогда поэтессы Маргариты Алигер: «Пересмотри же кладь своей души, /товарищ мой, к чужим ошибкам строгий, /сам разберись, подумай и реши, /что взять с собой, что бросить по дороге».

1. Бабушка и внучка

Мне очень повезло в жизни: в годы детства рядом со мной была моя добрая и любящая бабушка – Анна Харитоновна Ефремова. Моя мама, ее старшая дочь, работала, и бабушка почти каждый день приходила к нам, чтобы помочь по хозяйству и побыть с нами, своими внуками. А когда мы с братом заболели какой-нибудь инфекционной болезнью, мама стремилась разъединить нас, чтобы мы не заразились друг от друга, и меня, как старшую, обычно «прикомандировывали» к бабушке. Долгие недели болезней и карантинных высиживаний мы с ней вдвоем, и, чтобы развлечь меня, бабушка рассказывала о своей жизни, о том, как она была маленькая – тема, интересная всем детям. В конце-концов я оказалась настолько осведомленной о событиях давно минувших лет, что у бабушки порой создавалась иллюзия моего участия в семейных перипетиях. Иногда она даже обращалась ко мне со словами: «А помнишь?..» – и тут же, смеясь, сама себя прерывала: «Ну что это я говорю, ты же не можешь этого помнить!»

В годы войны бабушка эвакуировалась вместе с нами, как тогда говорили, в глубокий тыл, и в сложных, тяжелых условиях военного времени, как могла, скрашивала наше существование и организовывала быт. Все домашние дела лежали на ней: она долгими часами простаивала в очередях за продуктами, а придя домой, топила печку, готовила еду, стирала и убирала. Но как бы ни устала бабушка за день, вечером она обязательно усаживалась вместе с нами за стол и при слабом свете коптилки читала нам вслух. Бабушка была настоящим энтузиастом семейного чтения, в ее исполнении я впервые услышала «Евгения Онегина», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Войну и мир». Приносила она из библиотеки и литературные новинки того времени: «Севастопольскую страду» Сергеева-Ценского, «Одноэтажную Америку» Ильфа и Петрова.

В орбиту бабушкиных читательских интересов попадали не только все мы, ее родственники, но и соседи, для которых в годы наших вынужденных странствий она неизменно становилась своего рода центром притяжения: таким уж была она милым, открытым и доброжелательным человеком. Помню бабушку деятельно помогающей одной из соседок купать новорожденного младенца: крошечное существо в необъятном корыте, бабушкины мокрые руки, засученные по локоть рукава ее платья, доброе улыбчивое лицо, склоненное к ребенку... Ну а уж бабушкины кулинарные таланты плюс многолетняя практика в периоды голода, разрухи, карточной системы проявились в годы войны в полной мере: она могла при-

готовить *все из ничего*, и поэтому соседки часто обращались к ней за советом и помощью. Постоянно к нам заходили какие-то женщины, и бабушка терпеливо выслушивала их сетования, читала с ними письма с фронта от мужей, сыновей, братьев... Сама она давно ничего не получала из действующей армии: младший ее сын пропал без вести в первые же дни войны, старшего она потеряла еще в двадцатые годы.

В 1944 году мы вернулись из эвакуации в Москву, где и встретили все вместе окончание войны. А вскоре после этого бабушки не стало. Ее отпевали по христианскому обычаю в церкви на Ваганьковском кладбище... Трогательные слова заупокойной молитвы, скорбные песнопения, застывшая в гробу восковая фигура... Я плакала, как никогда прежде. Это была моя первая утрата – потеря близкого и горячо любимого человека. Со смертью бабушки кончилось мое детство и началась другая, взрослая жизнь...

Пролетели годы, десятилетия, и вот я сама уже бабушка: у меня растет внучка, и у нас с ней хорошие, теплые отношения. Но вот посидеть, побеседовать неспешно, как бывало в моем детстве, нам с ней просто некогда – видимо, темп жизни стал совсем другим. Дети сейчас очень загружены учебой и дополнительными занятиями: прибежит моя девочка из школы, наспех пообедает и снова уходит на какой-нибудь факультатив или аэробику, а вечером – допоздна уроки. Семейное чтение нынче вовсе вышло из моды: если и выдается свободный вечер, все от мала до велика сидят у телевизора.

Много раз мне хотелось рассказать внучке о годах войны, о своем детстве, передать ей то, что я знаю из истории нашей семьи – но как-то все не получалось. К тому же мои устные сообщения не вызывали у внучки особого интереса: молодежь получает сейчас много гораздо более актуальной информации... А если попробовать записать все, что помнится со слов бабушки, родителей, пожилых родственников, восстановить, насколько это возможно, историю нашего рода? Ведь в судьбах принадлежавших к нему людей отразилась история нашей многострадальной родины: войны и революции, разруха и репрессии...

После выхода на пенсию у меня появилось достаточно времени, чтобы заняться генеалогией. Для начала разобрала я наш семейный архив: привела в порядок фотографии, перечитала сохранившиеся дневники моей матери, нашла и перевела письма деда к бабушке. Перевела в буквальном смысле слова – за сто с лишним лет во многом изменились написание букв и нормы орфографии; бесконечные «яти» и «еры» мешали вникнуть в смысловую канву текста. Но после того, как письма были расшифрованы, приоткрылись новые, неведомые мне раньше страницы бабушкиной судьбы. Оказывается, им с будущим моим дедом нельзя было пожениться, так как бабушка моя принадлежала к старообрядческой семье, а дед был православным. И как же долго пришлось ему убеждать родственников любимой девушки, что некоторые различия в церковных обрядах не должны служить препятствием к соединению их судеб. К счастью, в Москве на Рогожском кладбище существовала единоверческая церковь, где можно было осуществить венчание представителей различных религиозных конфессий, так что этот вопрос удалось в конце концов уладить.

Но дедушке предстояло также добиться душевного расположения и подлинной любви своей невесты: как известно, в патриархальной среде конца XIX века предложение руки и сердца и получение согласия на брак обычно опережало возникновение нежных чувств со стороны девушки. Я не уверена, что молодые люди имели возможность встречаться наедине, и полагаю, что их свидания проходили не иначе как в присутствии мамыши или сестер невесты, которая оставалась «на вы» со своим женихом до самого момента свадьбы.

Мой дед был, по-видимому, тонким и деликатным человеком, он не торопил событий. Вот что он пишет в одном из посланий своей невесте незадолго до свадьбы: «Милая Анюта! Я всегда думал, что только то чувство должно быть прочным, которое приходит постепенно, после того, как человека рассмотришь со всех сторон, и первой ступенью в этом прочном чувстве я считаю силу привычки. Я не поклонник мгновенных вспышек чувства, которые также быстро пропадают, как и приходят. Из этого вы поймете мою радость, когда я услышал от Вас, что Вы ко мне привыкли; ведь в этом я вижу залог другого, более теплого чувства, которым я сейчас переполнен. Я знаю сладость его и так люблю Вас, что хотелось бы, чтобы и Вы поскорее его узнали. Ведь высшее счастье в том, чтобы сердца бились дружно и согласно, и так до последних дней...»

Показала я старинные письма своей подросшей внучке, вижу – заинтересовалась... А что же тут удивительного: слова искренней любви волнуют нас во все времена. Тем более, что моя внучка носит семейное имя – Анна, и слова, обращенные к ее прародительнице, звучат музыкой и для нее. Совершенно по-другому, с новым интересом рассматривала после этого моя Анюта фотографии своих предков, а когда мы положили рядом с ее школьной карточкой снимок моей бабушки в гимназической форме, то обнаружили между ними несомненное сходство. Конечно, время накладывает свой отпечаток – изменились и прически, и фасоны платьев, а на фотографиях – будто родные сестры: у обеих округлый овал лица, большие глаза, легкие светлые волосы... Опытного генетика или даже просто человека, собравшего большое количество семейных фотографий, такое сходство несколько бы не удивило, но Анюта была потрясена. Впервые жизнь предстала перед ней, как непрерывная цепь сменяющих друг друга поколений во многом схожих между собой людей. Так у меня появилась единомышленница.

Вместе с ней навестили мы старых тетушек, которые охотно поделились с нами своими воспоминаниями, помогли восстановить утраченные звенья семейной родословной, показали альбомы со старинными фотографиями. Что за прелесть эти альбомы! Снимки, сделанные более ста лет назад, поражают профессионализмом и высоким качеством исполнения. Одно плохо: некоторые фотографии не были подписаны в свое время, и теперь трудно установить, кто на них был запечатлен. Написали мы также письма в те города, где живут представители нашего большого и разветвленного рода. Все они владеют той или иной информацией по истории семьи, и хотя с некоторыми из них мы никогда не встречались, почти все откликнулись на нашу просьбу и прислали необходимые сведения, а также уникальные фотоснимки или ксерокопии с них.

А затем появилась необходимость составить родословные схемы, справочные карточки, поколенные росписи... Это непростая задача, однако при наличии Ин-

тернета ознакомление с техникой обработки генеалогических материалов не представляет трудностей, во всяком случае, для молодежи. И тут уж внучка смогла мне оказать неоценимую помощь при составлении родословных схем... С удовлетворением рассматривала я результаты нашей работы – это листы, на которых в определенном порядке в кружках и прямоугольниках помещены имена людей, давно ушедших и ныне здравствующих... Каждому человеку отмерен свой срок земного существования, люди рождаются и умирают, но они не должны быть забыты. Их имена займут свое место в генеалогической цепи поколений, а их делами будут гордиться потомки.

2. Двое в космическом полете

...Существует мнение, что люди – это астронавты, которые вместе с Землей мчатся в межзвездном пространстве, и только атмосфера нашей планеты защищает их от грозных явлений открытого космоса. Но все-таки мы все ощущаем магнитные бури и перепады давления, реагируем на сезонные изменения погоды. Быть может, мы не совсем это осознаем, но наше космическое путешествие является трудным и даже опасным для здоровья человека. И теплая атмосфера семьи, полная взаимной любви и приязни, способна облегчить наш звездный путь, сделать его приятным и радостным...

Построить хорошую крепкую семью нелегко, но еще труднее ее сохранить, поддерживая комфортный, приемлемый для всех внутрисемейный климат. Ведь отношения мужа и жены постоянно изменяются в зависимости от материальных условий, состава семьи, возраста ее членов, и супруги должны быть готовы к преодолению конфликтных ситуаций. «Все будет – слякоть и пороша, ведь вместе надо жизнь прожить...» – предупреждал поэт нашей молодости Степан Щипачев. И на каждом этапе совместного пути свои нюансы и сложности...

...Как-то услышала я от одного пожилого человека: «Выдали замуж дочь, и теперь живем вдвоем с женой, замкнутые друг на друга в изолированном пространстве, как космонавты на орбитальной станции, и такое впечатление, что у нас неважная психологическая совместимость...» Я вспомнила об этом, когда наши дети выросли, устроились в жизни, а мы с мужем после целого ряда обменных операций оказались владельцами небольшой отдельной квартиры на окраине Москвы. В суете переезда и первоначальной адаптации на новом месте некогда было задумываться о том, что из-за территориальной удаленности нашего жилья мы теперь не сможем видаться с детьми и внуками так же часто, как прежде: молодежь приспособилась обходиться без нашей помощи, а постоянно навещать родителей при огромной нагрузке на работе просто не хватает времени. Нетрудно было предвидеть, что общение с детьми сведется в конце концов к более или менее регулярным телефонным переговорам. Наступил долгожданный покой... «А дальше – тишина...»

Нелегко было к этому привыкнуть: мы всегда жили большой семьей, объединявшей под общей крышей несколько поколений. Много лет обитали вместе с моими родителями в коммуналке, там и родились все наши трое детей. Когда же мы наконец получили отдельное жилье – большую четырехкомнатную квартиру – у нас подолгу гостили родители моего мужа, а подраставшие дети и их много-

численные товарищи и подружки наполняли дом молодым весельем, жизнерадостностью и музыкой. Свою семейную жизнь оба наши сына и дочка начинали под нашей эгидой: подолгу жили с нами, пока не представлялась возможность их отселить; все старшие внуки росли на наших руках... В стремительном беге жизни, когда то и дело возникали задачи, требующие оперативного решения и немедленного претворения в жизнь, некогда было обращать внимание на мелочи быта, их как бы не замечали.

Но вот мы очутились в нашем прекрасном далеке, и... не то чтобы «психологическая несовместимость», но многое из того, что раньше казалось незначительным, неважным, вдруг начало волновать. Почему-то возникла склонность рассматривать негативные факты и события повседневной жизни как бы через увеличительное стекло и вследствие этого раздражаться. А раздражение начало выплескиваться брюзжанием, а то и резкой отповедью: «Опять все разбросано...» – «Трудно что ли чашку за собой вымыть?» – «Зовешь обедать, а стол не накрыт...» – «Когда-нибудь у нас в доме появится кефир?!»

Слово за слово... Стоп! Не пора ли одуматься, а то ведь так можно очень далеко зайти... У Коллинза в его знаменитом «Лунном камне» один из персонажей так отзывается о своем супружестве: «Мы всегда мешали друг другу. Когда я хотел подняться по лестнице, моя жена в этот момент обязательно спускалась вниз...» Не стоит до этого доводить, а потому, быть может, лучше не спорить и не обижаться по пустякам, а накрыть стол к обеду, как это нравится моему дорогому супругу, да еще и новую блузку надеть: напрасно некоторые думают, что наше желание принарядиться останется без внимания. Если же на вас старый застиранный халат, то вы вряд ли можете рассчитывать на внимание мужчины... Во время обеда не стоит обсуждать острые вопросы или сообщать мужу о каких-нибудь неприятностях, пусть человек поест спокойно – эта заповедь семейной жизни хорошо всем известна, но, тем не менее, мы частенько забываем ее выполнять...

За многие годы постоянной спешки и нервозности мы перестали относиться к совместной трапезе как к приятному времяпрепровождению. Бывало, не успеет муж доесть, как я уже выхватываю, буквально у него из-под носа, тарелку – и в мойку... Не надо, успеется. Лучше посидеть спокойно и послушать, что хочет рассказать мне муж, пусть и не в первый раз, а чтобы быть терпеливой, можно взять рукоделие... Петля за петлей, мелькают спицы – внимательно слушаю мужа и одновременно вяжу по описанию модель «Жилет для бабушки»... Полезное с приятным...

Для неторопливой доброжелательной беседы в старости гораздо больше времени, чем в молодости, но именно туда, к далеким годам юности, мы обращаемся чаще всего. И как ценно, если рядом с тобой человек, которому можно сказать: «А помнишь?» – и он откликнется... Мы с мужем вместе учились в Московском горном институте, проходили практику на подземных предприятиях Донбасса. Помню, на одной из шахт нам приходилось спускаться под землю по наклонной выработке – бремсбергу: мы усаживались в вагонетки специального поезда и с грохотом в полной темноте мчались куда-то вниз. Сердце замирало от страха, и я с невольной доверчивостью прижималась к плечу сидящего рядом со мной однокурсника... Впоследствии муж говорил мне, что тогда он впервые почувствовал

нежность к сидящему рядом с ним испуганному существу в нескладной шахтерской робе и больших, не по размеру, сапогах. На подземных работах, где мы исполняли обязанности электрослесарей, он с тех пор старался быть недалеко от меня, чтобы в случае чего быстро прийти на помощь... Работа на шахте всегда сопряжена с опасностью для жизни...

Но и в нашей последующей семейной жизни «всегда было место подвигу» – не так-то легко воспитывать троих детей, можно сказать, без отрыва от производства. В связи с этим мы с мужем перешли из своих НИИ и ЦКБ на преподавательскую работу, что давало возможность корректировать свое рабочее расписание с насущными потребностями семьи. Я много лет работала на вечернем отделении, чтобы днем быть с детьми, а муж мог спокойно функционировать в дневное время, ну а уж вечерняя суета доставалась ему... Потом, когда дети выросли, мы могли располагать своим временем более свободно и уделяли больше времени нашей профессиональной деятельности. В последние годы мы даже работали в одном вузе, и это было совершенно замечательно: встречи на переменах, чаепития в буфете, совместные поездки в институт и обратно – иллюзия возвращения в молодость...

Общность профессии, несомненно, сближает супругов, однако их интересы вне производственной деятельности могут сильно различаться, поэтому одной из сторон приходится прикладывать определенные встречные усилия. К примеру, мои дети и муж любили путешествовать, а я плохо переносила трудности кочевой жизни, но понимала, что совместные походы и разнообразные поездки укрепляют дружеские отношения всех поколений семьи. Вместе с детьми мы объездили на машине Золотое кольцо России, Прибалтику, Белоруссию и Украину. Штурмовали Главный Кавказский хребет: по Военно-Грузинской дороге добрались до Крестового перевала, преодолели его, а затем спустились к Черному морю в районе Сухуми, где и провели свой отпуск...

Немало путешествовали мы также по рекам и озерам нашей страны, причем не на специальных туристических, а на рейсовых теплоходах, билеты на которые были значительно дешевле – при нашей большой семье это было немаловажно. Правда, записываться на такое путешествие приходилось с осени, несколько раз за зиму отмечаться, а сами билеты мы выкупали в конце марта. Но зато как приятно было мечтать о путешествии по новому неизведанному маршруту и загодя готовиться к поездке! В дороге мы вели путевые дневники, фотографировали достопримечательности тех мест, где побывали...

С годами путешествовать становилось все труднее, но это не мешало мечтать о будущем. «А не махнуть ли нам в Пермь? – выдвигал своё предложение муж. – Да и кого-нибудь из внуков можно будет взять с собой ...» Проплыть от Москвы до Перми по Волге и Каме нам в свое время не удалось: билеты нам достались только до Уфы – тоже неплохо, но неосуществленная мечта продолжала манить, и мы строили новые планы совместных путешествий...

...Но в последнее свое плавание муж ушел без меня, и теперь я одна лечу по земной орбите навстречу космическим бурям и солнечным катаклизмам...

Напечатано в литературном альманахе
«Лесной орех» №5, Москва, 2011.